

ТЕМНОТА НЕ ПРИХОДИТ СРАЗУ.
ОНА СНАЧАЛА ЗАСТАВЛЯЕТ ЗАБЫТЬ.

КОДИ БЫЛ
НАСТОЯЩИМ.
Я ПОМНЮ.

НЕ ВЕРЬ,
КОГДА СТАНЕТ
СПОКОЙНО

МИХАИЛ ПЛОХИХ

18+

Михаил Плохих

Не верь, когда станет спокойно

<https://litres.ru/74001196>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я пишу это, чтобы не забыть. Пока я могу написать первую строчку — я ещё немного я».

Отец Алекса умер весной, а к осени дом начал забывать, что он вообще существовал. Сначала пропали мелочи — запах, скрип кресла, следы у двери. Потом память матери стала рассыпаться. Потом исчез лучший друг — и весь город сделал вид, что его никогда не было.

В тишине Фоллоу живёт нечто очень старое и очень голодное. Оно не выдумывает — оно берёт твоё горе и твою вину и возвращает их тебе голосом того, по кому ты тоскуешь сильнее всего. Оно зовёт вниз. Туда, где тепло и не больно.

У Алекса остаётся всё меньше времени и всё меньше себя. И только исписанные маркером стены ещё помнят правду: не отвечай двери, не спускайся на голос и не верь, когда станет спокойно.

18+. Содержит тревожные темы.

Содержание

Отказ от ответственности	4
Глава 1. После шума	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Не верь, когда станет спокойно

Отказ от ответственности

18+

© Михаил Плохих, 2026

Все события, персонажи, имена, названия и организации, описанные в этой книге, являются вымыслом автора. Любое сходство с реальными людьми — живыми или умершими, — а также с реальными событиями, местами или организациями случайно и непреднамеренно.

Книга относится к жанру художественного хоррора и содержит сцены и темы, которые могут показаться тревожными. Произведение предназначено для читателей старше 18 лет и не призывает к каким-либо действиям, описанным в тексте.

Глава 1. После шума

Я пишу это, чтобы не забыть.

Пока я могу написать первую строчку — я ещё немного я. Так мне сказал человек, который занимается этим дольше всех. Он оказался прав почти во всём, и я бы хотел, чтобы он ошибся хотя бы здесь.

Меня зовут Алекс Тёрнер. Мне пятнадцать. Мою мать зовут Елена. Мой отец умер в апреле — его звали Дэниел, у него был шрам на правой руке, и он называл меня сынком. Коди был настоящим. Я держал его за руку и отпустил.

Это написано у меня на стенах. Слой поверх слоя, маркером — по обоям, по краске, по голой штукатурке там, где обои кончились. Важное я подчёркиваю трижды. Если однажды утром ты проснёшься в этой комнате и не поймёшь, что значат эти слова, — значит, меня уже почти нет. Тогда читай дальше. Может, успеешь.

Отец умер в апреле, но дом начал гнить только к осени. Не буквально.

Сначала исчезли мелочи. Запах его лосьона в ванной. Скрип кресла в гостиной. Следы от ботинок у задней двери, которые мать всё лето просила меня вытереть. Потом — привычки. Я ещё несколько недель просыпался в шесть утра, потому что слышал, как он ходит по кухне перед сменой. Только потом вспоминал, что слышать больше некого.

Иногда мне казалось, что дом тоже забывает его. И что он делает это охотнее, чем мы.

Мать убрала фотографии через месяц после похорон. Не потому что не могла смотреть — наоборот, смотрела слишком долго. Часами сидела на кухне с альбомом на коленях и водила пальцами по лицам, будто проверяла, настоящие ли они. А однажды сказала, спокойно, как сообщают прогноз погоды:

— Я не помню его голос.

И перестала открывать альбомы.

На подлокотнике его кресла так и висела бейсбольная перчатка — потрескавшаяся, со стёртой кожей. Когда-то мы играли во дворе: он кидал мне высокие мячи, а я ловил, пока совсем не темнело и мать не начинала кричать с крыльца, что мы убьём газон. Потом он потерял работу и перестал вставать с кресла. Сидел и смотрел в телевизор, который не включал. А потом в апреле сердце остановилось ночью, тихо, как всё, что он делал в последний год. Я не сказал «пока, пап». Я даже не помню, какими были последние слова, что я ему сказал, — наверное, что-то про уроки, что-то пустое. Я думал, у меня ещё будет время для настоящих.

Я тогда не знал, что у тишины свои счёты с теми, кто не попрощался. Что незакрытая дверь горя — это просто дверь. И что однажды кто-то постучит в неё голосом отца.

Она работала на две смены — медсестрой в ночь в окружной больнице, в сорока минутах езды, и уборщицей в нашей

школе днём, — чтобы удержать дом, который мы не могли себе позволить оставить тихим. Я думал тогда, что наш дом гниёт от горя. Это было бы не так страшно.

В школе всё было проще. Там люди хотя бы притворялись нормальными. Коридоры пахли мокрыми куртками и дешёвым дезодорантом. Кто-то орал у шкафчиков, мяч бился о стену спортзала, мир продолжал двигаться так, будто ничего не произошло. Иногда это раздражало сильнее всего.

После тренировки Коди догнал меня у парковки.

— Ты сегодня вообще спал?

— Нормально.

— Ты уже третий раз мажешь на простых бросках.

— Устал.

Он хотел сказать что-то ещё, но передумал. Посмотрел на меня — дольше, чем обычно. В последнее время все смотрели внимательней. Будто пытались понять, не изменилось ли что-то прямо у них на глазах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.